

Устрица мер и весов.

Ябом с детства обожал конструкторы и был устрицей. Сначала он просто нагромождал бесконечные постройки из многочисленных кубиков, пока не понял, что может то же самое делать с окружающим его, как и нас всех, миром. Вот тогда-то и началось самое интересное, ведь Ябом стал новым управителем Реальности. Сначала время, вроде как, прекратило существование самого себя, но даже особо и не в этом суть, ведь стоило Ябому сделать десяток-другой шагов – и вот он уже воссоздал океаны, реки, озёра и пруды, ведь шаг был его не прост, а исключительно многомерен. В застенках его далее пересекали космические просторы шепчущие направлениями корабли, но сколь удобно и комфортно было сидеть устрице Ябому и наблюдать из тёмных мест собственного бункера проложенного бытия, в котором мириадами развинчивались тугие улитки галактик. Одним из открытий Ябома была коренная древность, ведь всё, до чего бы он ни дотронулся, излучало сияние изначальной первозданности, многократно преобразованной и переплавленной, принявшей новую форму, вобрав её в себя. Первозданная древность всего едва ли не стала его новым увлечением, ведь занялся Ябом сохранением современных отпечатков в себе самом любых вещей, которые существуют и любых действий, которые уже произошли или которым ещё предстоит произойти. В долгих странствиях более всего запомнился ему один старый цирк школы отторжения, расположенный для привлечения многочисленных зрителей, в самом сердце болота, находящегося на стоке устья, заострённого кверху пространства подпространств. На самом деле цирк был ещё всего лишь одной из существующих дверей, открывающих проход в новые сферы существования. Ябом сел в цирке отторжения не столь уж далеко от арены, но представление всё не начиналось, тогда он принялся разглядывать окружающую обстановку. Шатёр цирка был словно бы собран из тонких змеиных шкур, каждая из которых образовывала ветровые трубочки, открывая возможность всей поверхности шатра свистеть, словно тысячам флейт, под любым, даже малейшим, дуновением ветра. Музыка, таинственная и грустная, играла в шатре, словно бы обволакивая уши плотной пеленой – завесой пепла взвешенных ощущений. Представление всё не начиналось, тогда Ябом решил испытать новенькие свежкупленные ходули. Ходули были просто замечательными. Они пахли деревом и блестели лаком, а что самое замечательное касательно дерева, так это то, что ходули пахли не простым деревом, а свежкупленным. Было у устрицы Ябома такое хобби – нюхать все свежкупленные ходули. Он вообще всё нюхал, особенно собственный нос, хотя это и не было ему за надобностью, ведь нос всегда знает, чем пахнет он сам собственной персоной! Внезапно весь цирк залил стекольчато-зелёный яркий свет, который исказил и затемнил цвета на лицах присевших от испуга зрителей. Вначале выползли на сцену серые существа, похожие на исполинских слизняков в горошек размером примерно с небольшого слона. Ими управляли костлявые Ветошники в оборванном тряпье. Длинные кости Ветошников тянулись сквозь многие слои пространства, почтенные изгибы их суставов напоминали сложенную в несколько рядов линейку или нападавшие друг за другом под острыми углами рои налимов. Тут заиграла торжественная музыка и вышли два с половиной клоуна. У всех были острые зубы, торчащие ушками клочья шерсти и янтарные

сиамоподобные глаза в гранитных искрах. Половина клоуна вела паразитический образ жизни и постоянно передавалась воздушно-капельным путём от первого клоуна ко второму, а от второго – к первому. Вообще, раса клоунов до смерти опасалась половинок и старалась их избегать, распознавая по признаку плоских гранитных глаз с янтарными искрами, а не наоборот, как у всех нормальных клоунов. Но эти двое были уже обречены. Им и думать не стоило, чтобы избавиться от назойливой половинки клоуна, они запустили паразитическое развитие его гранитных глаз уже в последнюю стадию, когда существо начинает метать по утрам икру с молоком напололам. Именно оттого половинкой и зовётся. Клоуны жонглировали половинкой клоуна под торжественный органнй марш, а их обречённость отражалась даже в чёрных и непроницаемых глазах гороподобных громадин - гарцующих слизняков. В конкурсе «Кто хочет покататься?» участвовали абсолютно все желающие. На сцену выкатились округлые изолированные фотовспышки с переливами всех тонов и оттенков, а столпившийся народ, скользящий на фотовспышках, всполохи которых можно было увидеть из-под лопающихся оболочек, получал в дар очень редкие и ценные вспышки – кадры собственных частей тела, входившие в прошлое часами, взрывающимися под напором давления всполохами вспышек. Вышедший впоследствии фокусник показывал чудеса гальванопластики, причём в качестве исходного материала он использовал страуса и счастье. Он покрыл тестовый стол чистым счастьем, а вышедшего по желанию из зала зрителя, он столь же счастливо осиничил. Осиниченный зритель довольно чирикнул, повертел новеньким юрким хвостом и принялся за поглощение своего многотонного комарика. Атласные ткани застилали пятую часть суши, и по ним, сквозь континенты желали прорваться пузыри просторов. Каждый из пузырей простора можно было приобрести за отдельную умеренную плату и подарить детям с заделом на своё отдалённое будущее. Не обошлось и без выступления архетипов, хотя они продолжали бегать с рогами, но зато во вполне приличествующих носках. Ябом заметил, что стул, на котором он сидит, словно бы выступает во внешнюю среду потоками верениц цепочек реальности. За одну из этих цепочек ему и удалось ухватиться. Цирк отторжения оказался собран из осколков-близнецов, но разобрать его по деталям труда вовсе не составило. Из кирпичей цирка устрица Ябом собрал дым. И улетел, ведь что ещё сравнить с дымом по лёгкости и любви к свободе? Разве что самого Ябома. Он – дым.

**Белоусов Роман,
23 марта 2012 года.**